

А.В. Амфитеатров

Психопаты

Правда и вымысел

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А63

А63 **Амфитеатров А.В.**
Психопаты: Правда и вымысел / А.В. Амфитеатров – М.: Книга по Требованию, 2012. – 188 с.

ISBN 978-5-458-06804-8

Сборник рассказов ("Иуда", "Казнь", "Он", "Обожание", "После дуэли", "Брат и сестра", "Разрыв", "Сказка темной ночи", "Сон наяву", "Молодо-зелено", "В житейском муравейнике").

ISBN 978-5-458-06804-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

І У Д А.

Солнце въ зенитѣ. Раскаленные его лучами пески пустыни стелются далеко на четыре стороны свѣта, разбѣгаясь отъ желтыхъ скатовъ невысокой гряды скалистыхъ и безплодныхъ холмовъ, испещренныхъ темными отверстіями ущелій, узкихъ и глубокихъ, какъ колодцы. Тихо. Когда рушится гдѣ-нибудь съ обрыва камень, обветшавшій въ долгой борьбѣ съ солнцемъ и вихрями этой безотрадной глуши, шумъ паденія разносится въ безвѣтряномъ пространствѣ на двѣ, на три мили кругомъ. Птицы молчаливо скрылись въ низкорослыхъ кактусахъ, краснокрылые кузнечики изнемогли отъ зноя и не въ силахъ приняться за свои трескучія пѣсни. Пестрыя змѣи свернулись клубками на горячей землѣ, черные ужи выползли изъ трещинъ скалъ на изсохшія русла дождевыхъ потоковъ и, вытянувъ свои узкія, длинныя тѣла, какъ палки, лежатъ глубоко зарывъ головы подъ камни. Пустыня спитъ — величественная, неподвижная и безмолвная, какъ сама смерть.

Но вотъ, въ ея нѣмомъ просторѣ показался человѣкъ. Весь въ поту, едва переводя духъ, спотыкаясь, онъ выбѣжалъ изъ ущелья на вершину одного изъ холмовъ и остановился. Погруженный въ глубокія думы, онъ потрясалъ головой, разводилъ руками и громко говорилъ самъ съ собою. Его глаза, — большіе и блестящіе, какъ

у испуганнаго орла,—не мигая, устремились въ ослѣпительную даль, гдѣ земля сливалась съ темносинимъ небомъ, едва отдѣленная отъ него блестящей линіей солончаковъ и водъ Мертваго моря. Голубоватый воздухъ струился тамъ, какъ вода, и въ его прозрачной зыби рѣяли неясныя тѣни,—опрокинутыя отраженія города съ плоскими кровлями, бѣлораморнаго храма, замка съ грозными бойницами въ крѣпкихъ стѣнахъ. Человѣкъ на холмѣ вглядѣлся въ рисунокъ миража, вздрогнулъ и закрылъ глаза. Онъ узналъ городъ, показанный ему маревомъ: то былъ Іерусалимъ. Оттуда бѣжалъ онъ сегодня съ утренней зарею въ эти забытыя Богомъ, ненужныя человѣку, дикія мѣста.

Бѣжалъ отъ кого? Онъ самъ не зналъ. Если и были у него враги въ святомъ городѣ, то слишкомъ малочисленные и ничтожныя, а защитниковъ отъ ихъ гнѣва, могучихъ, богатыхъ и властныхъ, человѣкъ на холмѣ нашелъ бы много. Онъ только-что оказалъ Іерусалиму важную услугу: спасъ страну отъ религіозной смуты, готовой потрясти изъ края въ край оба берега мутныхъ водъ священнаго Іордана. Онъ вырвалъ изъ среды учениковъ виновника смуты,—этого Іегошуа Ганаоци *), Кто вчера крестною казнью оплатилъ свои странныя новыя вѣрованія и смѣлость неслыханнымъ ученіемъ прощенія и любви отрицать вѣковую святыню суровыхъ завѣтовъ Моисея. Лишь съ его помощью охранители старой вѣры и римляне, блюстители страны, могли овладѣть этимъ непостижимымъ, вдохновеннымъ существомъ, четыре года волновавшимъ іудейскіе предѣлы, покорявшимъ себѣ колъна народа израильскаго безъ меча и копья, —силою живого слова и примѣромъ чистой жизни,—творившимъ чудеса, удивлявшимъ пророчествами и неуло-

*) Іегошуа Ганаоци — Іисусъ Назарянинъ (талмудическое наименованіе).

вимымъ подѣ охраною народной любви. Воля человѣка на холмѣ остановила успѣхи Игошуа Гавоцри и связала на вѣки свѣтлое имя Учителя съ именемъ предаваго его ученика, Іуды Искаріота. Въ Римѣ человѣкъ, открывшій заговоръ, удостоивался мѣдной статуи и причислялся къ отцамъ отечества, — а Іуда сдѣлалъ больше... И все-таки онъ бѣжалъ! И если-бы въ дикомъ краю, куда завело его безостановочное бѣгство, были не однѣ змѣи, птицы и стрекозы, онъ бѣжалъ бы еще дальше, потому что видъ человѣческаго лица былъ ему страшенъ и ненавистенъ, а сегодня утромъ, оставляя Іерусалимъ, онъ читалъ такой же испугъ и ненависть въ глазахъ встрѣчныхъ прохожихъ. Онъ не зналъ ихъ. Они не принадлежали къ послѣдователямъ казненнаго Пророка; Іуда зналъ въ лицо всѣхъ, признавшихъ Игошуа сыномъ Бога и потомкомъ Давида, царемъ іудейскимъ. За что-же они ненавидятъ его и боятся? И только, когда утомленный ходьбою и зноемъ, онъ склонился надъ цистерною, гдѣ почерпнулъ воды въ дорожный мѣхъ, — онъ понялъ: со дна колодца глянуло на него, въ рамкѣ спутавшихся волосъ и бороды, страшное лицо земнаго цвѣта, съ обострившимся носомъ и подбородкомъ, впалыми щеками; сверкнули недобрымъ огнемъ огромные воспаленные глаза. Онъ едва повѣрилъ, что видитъ себя въ этомъ, полномъ безумія, злобы и страха, призракѣ и съ трепетомъ спросилъ себя: „какъ же случилось, что я сталъ такъ ужасенъ?“ Іуда вспомнилъ, что вотъ уже два дня, какъ онъ не умывался, не причесывалъ волосъ, не мѣнялъ одежды, не исполнялъ ни одного обряда, предписаннаго закономъ и священнымъ обычаемъ страны... Да! именно два дня, съ той самой ночи, когда онъ тайкомъ прокрался въ масличный садъ и, заставъ Равви на молитвѣ, указалъ на него скрытымъ за деревьями воинамъ римскаго проконсула. Іуда отмѣтилъ

его поцѣлуемъ... Учителя схватили. Борьбы не было. Иегошуа былъ спокоенъ и кротокъ, оробѣлые ученики только плакали и ломали руки; одинъ лишь Кифа, смуглый, широкоплечій галилеянинъ, вспыльчивый, гордый и глубоко преданный Учителю, выхватилъ мечъ и бросился на ближняго къ себѣ стражника, но слово Иегошуа стало преградою между ударомъ и жертвою, и Кифа, бросивъ мечъ, скрылся въ темнотѣ. Пророка увели. Факелы погасли въ отдаленіи; звяканье оружія и шумъ голосовъ замерли; садъ снова невозмутимо облегла темно-синяя южная ночь съ громадными яркими звѣздами, съ узкимъ серпомъ мѣсяца, едва сквозящимъ чрезъ масличную листву, съ таинственнымъ шумомъ горныхъ потоковъ. Это—послѣднее, что осталось въ памяти Іуды... А потомъ? Потомъ начались мысли, — тѣ неутолимые мысли, что сдѣлали ему, спасителю отечества, невыносимыми родину и самую жизнь, выгнали его изъ святаго города прочь отъ людей, къ гадамъ и птицамъ пустыни...

И теперь, стоя на окраинѣ крутого холма, Іуда продолжалъ свои думы и самъ удивлялся и не понималъ, что не можетъ остановиться въ нихъ и отвести мысль отъ Иегошуа Ганоцри. Его и озлобляло и страшило это безсиліе воли. Онъ боялся, что воля навѣки его покинула, что отнынѣ онъ уже не властенъ управлять своимъ умомъ, что мысль его померкла. Онъ въ суевѣрномъ ужасѣ чувствовалъ надъ своею головою могущество чьей-то враждебной казнящей силы, и въ сердцѣ его мучительно царило боязливое сомнѣніе объ этой силѣ. Онъ не зналъ, кому приписать это грозное обояніе—тому-ли князю бѣсовъ, чьимъ служителемъ называли казненнаго Пророка люди стараго завѣта; или необъятому божественному небу, чьимъ сыномъ и повелителемъ Онъ звалъ себя самъ?

Дитя грубаго, жестокаго вѣка, взрощенное на почвѣ, пропитанной кровью поколѣній, въ междоусобныхъ бра-
няхъ, Іуда ужасался не того, что сталъ причиной смерти
человѣка. Кто изъ самыхъ праведныхъ во Израилѣ не
носилъ на себѣ крови ближняго? — думалъ онъ. Царь
Давидъ, ради сладострастной прихоти, приказалъ умерт-
вить невиннаго Урію, и небо простило его, когда онъ
очистился покаяніемъ. А кто погибъ моими страданіями?
Преступникъ, возмутитель мира страны. Іегова не
можетъ мстить мнѣ за Того, Кто запрещалъ кровавыя
жертвы, отменялъ субботу и благочестіе старцевъ фа-
рисейскаго толка, протягивалъ благословляющія руки
къ язычникамъ Тира и Сидона, не стыдился общества
мытарей и блудницъ! И Іудѣ вспомнился знакомый
юноша изъ богатаго дома, по имени Савлъ, воспитан-
ный въ строгихъ правилахъ ветхаго іудейства: онъ
видѣлъ этого молодого фанатика въ тотъ день, когда
озвѣрѣвшая толпа, волнуясь и гудя, какъ море въ грозу,
подъ окномъ римской преторіи требовала отъ игемона
казни Іегошуа. Савлъ былъ одной изъ самыхъ ярыхъ
волнъ этого свирѣпаго моря, — въ его пламенныхъ гла-
захъ, въ румянцѣ смуглаго лица Іуда могъ прочесть,
какъ дорогъ юношѣ его древній, суровый, молніеносный,
неназываемый Богъ мести до седьмого колѣна, — Богъ,
который цѣлыя тысячелѣтія боролся на этой священной
землѣ за кровь возжигаемыхъ жертвъ то съ Астар-
тою и Дагономъ, то съ Озирисомъ и Изидою, то съ Ве-
нерою и Зевсомъ, и всѣхъ побѣдилъ и грозно возсѣлъ
на Сіонѣ, мстительно-ревнивый къ своей власти. Іуда
вспомнилъ первосвященниковъ и судей синедріона —
важныя, холодныя, сѣдобородыя лица съ написаннымъ
на нихъ сознаніемъ необходимости исполнить жестокій
долгъ и казнью одного спасти вѣками установленный
порядокъ для всѣхъ. Вспомнилъ онъ еще одно лицо —

смуглое, мрачное съ затаенною грустью въ гордомъ и дикомъ взорѣ изъ-подъ нахупленныхъ бровей. Оно принадлежало ремесленнику. Агасферу. Этотъ странный человѣкъ былъ безразличенъ къ вѣрѣ, но жарко любилъ свою угнетенную родину и ненавидѣлъ ея новыхъ господъ—римлянъ. Онъ когда-то явился къ Иегошуа, думая найти въ его возникающемъ могуществѣ зарю свободы Іудей: но мирный, враждебный насилію, усобицамъ, пролитію крови завѣтъ Пророка разбилъ его надежды. Агасферъ покинулъ Иегошуа, огорченный, отчаявшійся и озлобленный на Того, Кто одинъ могъ осуществить его смѣлыя мечты и успѣшно поднять своимъ всесильнымъ именемъ знамя возстанія противъ чужеземцевъ. И въ день гибели Пророка фанатикъ-патріотъ превзошелъ въ своей ярости фанатиковъ стараго закона.

— Какъ много, однако, было у него враговъ! — подумалъ Іуда, и на минуту ему стало легче отъ мысли, что, быть можетъ, онъ не одинъ страдаетъ страннымъ страхомъ, обуявшимъ его съ мига предательства, что можетъ быть та же участь, та же печать отверженія легла теперь, когда месть совершилась, страсти удовлетворены и затихли, на всѣхъ, кто въ буйномъ бѣшенствѣ топалъ ногами въ землю предъ лицомъ изумленнаго проконсула и кричалъ: „распи Его!“ Нѣтъ!.. Какъ ни свирѣпы были эти люди, довершившіе своимъ звѣрствомъ дѣло Іуды, предатель, противъ своего желанія, не чувствовалъ ихъ братьями себѣ по преступленію. Ихъ яростью руководили ошибки: одного обманула дѣтская узкая вѣра, другого—привычка къ вѣрами сложившемуся государственному строю, третьяго ослѣпила доведенная до крайности любовь къ отчизнѣ; но всѣ эти люди свято вѣровали въ правду своихъ ошибокъ, онѣ были ихъ убѣжденіями, истекали для нихъ изъ чувства долга. А Іуда?.. Онъ содрогался, все глубже и глубже заглядывая въ свою душу.

Онъ ненавидѣлъ Пророка въ то мгновеніе, когда предавалъ Его, — но за что? И тайный голосъ говорилъ Іудѣ, что онъ ненавидѣлъ Учителя притворно, нарочно, чтобы заглушить ненавистью стыдъ холодной, безстрастной измѣны. Что сдѣлалъ Іудѣ Іегошуа? Не отличилъ ли онъ талантъ и умъ Іуды, принявъ его въ число избранныхъ своихъ учениковъ, наслѣдниковъ Его власти на землѣ? Онъ любилъ Іуду, не отпускалъ его отъ Себя, довѣрилъ ему кису, куда складывались приношенія добрыхъ людей, творившихъ чрезъ Пророка милостыню бѣднымъ. Правда, отъ Него не скрылось слаболоіе Іуды: умъ послѣдняго казался Ему легкимъ, неустойчивымъ и слишкомъ занятымъ собой и своею личной жизнью, тогда какъ другіе ученики, до самозабвенія великодушные, по примѣру Учителя, жертвовали нуждамъ ближнихъ столько же богатствомъ своихъ мыслей и чувствъ, сколько и убогими удобствами своей вѣншей жизни. Тѣло боролось въ Іудѣ съ духомъ; скитальческій строгій бытъ Пророка часто утомлялъ его, и тогда невольная досада проникала въ его умъ и пропитывала мысли сомнѣніемъ, стѣбитъ ли небесный рай, обѣщанный Учителемъ, земныхъ лишеній, какія приходится испытывать въ ожиданіи загробныхъ блаженствъ. Онъ стыдился этихъ сомнѣній, боролся съ ними, побуждалъ ихъ, скрывалъ тщательно, и кромѣ Іегошуа никто не подозрѣвалъ, какая нетерпѣливая, робкая, слабая и болѣзненная душа скрывается въ могучемъ съ виду тѣлѣ Іуды. Но Іегошуа зналъ. Недаромъ за той поздней вечерней трапезой, которой Учитель придалъ такое величавое таинственное значеніе, Онъ одного лишь Іуду призналъ способнымъ предать Себя. Какъ оскорбился тогда Іуда съ какимъ негодованіемъ оставилъ онъ собраніе учениковъ! какъ вся его душа всколыхнулась при неправомъ, какъ ему казалось тогда, обвиненіи

Учителя!.. А между тѣмъ, часъ спустя, онъ самъ уже велъ воиновъ на своего Равви. Какъ произошло это? Когда успѣло созрѣть и обратиться въ дѣло рѣшеніе, какъ слабая искра, зажженное въ умѣ Іуды обидными словами Пророка? Іуда самъ себѣ не вѣрилъ, совершивъ свое предательство, — ему хотѣлось думать, что онъ дѣйствовалъ не своею волей, что кто-то посторонній и сильный сбиль его съ праваго пути и уговорилъ отказаться отъ четырехлѣтней довѣрчивой дружбы самаго чистаго изъ существъ, когда-либо жившихъ на свѣтѣ, и стать въ ряды Его враговъ. Ему смутно чудилось, что его уговорили тогда — послѣ ночной трапезы, когда онъ, оставивъ Іегошуа, долго сидѣлъ, въ синихъ весеннихъ сумеркахъ, на покрытой холодною росой каменной лѣстницѣ дома и, сжимая руками разгоряченную гнѣвомъ голову, съ злобнымъ страданіемъ прислушивался къ голосамъ свершающихъ новое таинство недавнихъ друзей. Кто уговорилъ? Іуда не зналъ, но странное сознаніе посторонней воли въ его преступленіи такъ крѣпко жило въ немъ, что онъ невольно искалъ дѣйствительнаго существа, нашептаваго ему грѣхъ предательства въ уши. Образы Анны, Каіафы приходили ему въ память... Нѣтъ! это не то!.. Іуда узналъ ихъ уже послѣ, когда грѣхъ такъ цѣпко охватилъ его сердце, что идти навстрѣчу преступленію стало для него страстной, неудержимой потребностью, когда разгорѣлась и нарочная ненависть, и нарочный гнѣвъ... Кто же? Іудѣ десятками мерещились при этомъ вопросѣ знакомыя лица — и всего чаще почему-то острый, сердитый профиль невысокаго сѣдого фарисея. Кто онъ такой? Ахъ, да! Это тотъ старикъ, что былъ тогда у Каіафы. Изъявивъ готовность измѣнить и передаться, Іуда стоялъ предъ первосвященниками, самъ ошеломленный своимъ дѣломъ, съ одною мыслью, что отсту-

пать теперь поздно; ему предложили денегъ, — онъ взялъ ихъ равнодушно, даже не пересчиталъ... Тогда кто-то засмѣялся и сказалъ: „этому человѣку не деньги нужны!“ Иуда вздрогнулъ: говорилъ тотъ самый старичекъ. Онъ былъ правъ: Иудѣ не деньги были нужны; иначе — развѣ такой ничтожной рабской цѣною продалъ бы онъ своего Равви, самаго могучаго изъ мужей, жившихъ подъ небомъ Палестины? Но что же вообще ему было нужно? Неужели его дѣло не болѣе какъ почти безпричинная минутная вспышка обиженной слабой воли, пожелавшей проявить себя сильною хоть во враждѣ, если не довѣряють ея дружбѣ? Нѣтъ, не можетъ быть! Онъ — не мальчикъ, не неопитъ, только-что пришедшій къ великому Пророку; онъ былъ его сотрудникомъ и другомъ, четыре года впитывалъ въ себя святое ученіе обузданія страстей, прощенія обидъ, власти надъ собою, — какъ бы ни слабъ онъ былъ, но не настолько, чтобы однимъ мгновеніемъ страсти разрушить долгую работу надъ собою. Нѣтъ, онъ, дѣйствительно, только орудіе какой-то непостижимой, сверхъестественной виѣшней силы... И суевѣрный ужасъ все грознѣе и грознѣе крался въ душу Иуды. Богу или Вельзевулу нужна была смерть Пророка, Иуда не умѣлъ рѣшить, но кому-то изъ двухъ онъ послужилъ, — это стало для него ясно.

Богу!.. Кто же изъ прежде обреченныхъ быть земнымъ орудіемъ Его карающей воли выносилъ хоть соутую долю страданій Иуды? Предатель вспомнилъ книги писанія... Вотъ Іаилъ пронзаетъ гвоздемъ голову довѣрившагося ея гостепріимству Сисарры, вотъ Ілія закалаетъ жрецовъ Ваала, вотъ дѣти Іакова истребляютъ обманомъ оскорбителей своей сестры жителей Сихема, вотъ Давидъ сорокъ лѣтъ купается въ крови враговъ своихъ и своей вѣры, — и всѣ они спокойны и чисты

духомъ, не мучатся ни сомнѣніями, ни угрызеніями совѣсти—они убиваютъ, жгутъ, рѣжутъ, предають во имя Бога, исполняя свой долгъ. Опять размышленія привели Іуду къ этому слову, и опять онъ почувствовалъ, что слово это для него мертво.

— Бѣсъ во мнѣ!..—громко воскликнулъ преступный ученикъ,—и эхо окрестныхъ холмовъ отозвалось на его крикъ. Бѣсъ во мнѣ!—Онъ былъ тотъ, кто сидѣлъ рядомъ со мною на лѣстницѣ и шепталъ мнѣ лъстивыя рѣчи: поди, отомсти, предай его за нанесенное оскорбленіе! Не бойся Его величія! Если Онъ Богъ,—твое предательство не сдѣлаетъ Ему вреда: Онъ сдержитъ свое обѣщаніе — умереть и воскреснетъ на третій день; ты только поможешь Ему проявить свое могущество. Если Онъ человѣкъ, — то стоитъ-ли пощады обманщикъ?.. Бѣсъ во мнѣ! Я умертвилъ добро и сталъ чуждъ и враждебенъ людямъ! Я одинъ на свѣтѣ, одинъ съ олицетвореніемъ зла, заключеннымъ въ моей душѣ и такъ будетъ до самой смерти!..

И Іуда съ трепетомъ озирался вокругъ себя, словно ища рядомъ съ собою торжествующій черный образъ того, кому приписывалъ свое паденіе. Но и степь, и горы были пусты и тихи. Только на далекомъ югѣ вставало темное облачко, и вѣтеръ отъ него, пробѣгая по пустынѣ, вздувалъ время отъ времени своимъ жгучимъ дыханіемъ зловѣщіе песчаные вихри. Іуда сошелъ съ холма и пошелъ имъ навстрѣчу. Болѣе его не видали на землѣ.